

Литературная газета

Орган правления Союза советских писателей СССР

№ 4 (495)

Пятница, 18 января 1935 года.

М. Горький

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАБАВЫ

2

Как процесс эволюции материи, — основы всех сил, — жизнь величественно проста, как процесс развития социальных отношений — основа всяческой ложи подложности. Правда требует простоты, ложа — сложности, это очень хорошо утверждается историей литературы.

В старину на процессах технически примитивного труда и еще не очень резко выраженного расслоения людей на властей в работах истине художественное творчество трудящихся создало в форме сказок и легенд замечательно яркие образцы жизненны словом, общая тема этих произведений истине литературы: борьба человека с природой, с волшебником, овладевшим ее таймами, и метта о возможности для трудящихся овладеть силами природы. Это — общечеловеческая тема.

«Общечеловеческое» поэзии и прозы классиков весьма редко возникает над уровнем общеобикудного, «общечеловеческими» в литературе прошлого являются произведения, в которых изображены пессимистически отразившиеся ощущения личностной трагической сложности социального бытия, сознание ею ничтожности своего в процессе истории. Ощущение это испытывала и разнообразно выражали господа, но оно было также свойственно рабам, толкающим тех и других в фантасмагорию идеалистической философии, в туманы реальности. Гликон, ваятель, живший в первом веке до нашей эпохи, изобразил Геркулеса совершившим свой последний подвиг: руке героя труда — яблоко бессмертия, но его поза, его лицо изображают не радость победы, а только усталость и уныние. Интересно отметить тот факт, что буржуазия побудила Федала, пыгле не отметил в высокой художественной форме свое «торжество победителя».

Борьба — непрерывна, победы — постоянны, а торжество — нет, или же оно так же братковременно, как кристально, — такова недавняя полема и изображала победа тойного, зловещего Г., олицетворяющего силу крупной немецкой буржуазии. В Европе XIX—XX вв. подлинно художественно изображенная личность это, или — критик буржуазного общества, или пытка, человек, который жалуется на тяжесть жизни, человек, который хочет жить независимо от первой — материальной — и второй — социальной природы, хочет жить «сам в себе», как подсказал ему машинально мысливший старик из Кенингсберга, основоположник новейшей философии индивидуализма.

Борьба — непрерывна, победы — постоянны, а торжество — нет, или же оно так же братковременно, как кристально, — такова недавняя полема и изображала победа тойного, зловещего Г., олицетворяющего силу крупной немецкой буржуазии. В Европе XIX—XX вв. подлинно художественно изображенная личность это, или — критик буржуазного общества, или пытка, человек, который жалуется на тяжесть жизни, человек, который хочет жить независимо от первой — материальной — и второй — социальной природы, хочет жить «сам в себе», как подсказал ему машинально мысливший старик из Кенингсберга, основоположник новейшей философии индивидуализма.

В литературе его следует изображать еще более крупных и ярких, это не только требование личности, но и социалистического реализма, который должен мыслить гипотетически, а гипотеза — домысел — должна сестра гипотезе — преувеличение реальных фактов. Или реальный, живой герой, человек, творящий социалистическую культуру, многое выше, круче героя наших повестей и романов.

В литературе его следует изображать еще более крупных и ярких, это не только требование личности, но и социалистического реализма, который должен мыслить гипотетически, а гипотеза — домысел — должна сестра гипотезе — преувеличение реальных фактов. Или реальный, живой герой, человек, творящий социалистическую культуру, многое выше, круче героя наших повестей и романов.

Несколько вышла весьма интересная, очень острая книга Д. Мирского

М. ГОРЬКИЙ

Рис. А. Панова

«Интеллигент и ссыльный». В ней характеризуется интеллигентия Англии и между прочим сказано, что буржуазия, «признает ограниченность познавательных способностей своих, отказалась от познания закономерностей и ограничивает мышление только оценками». Это — сугубо правильная мысль, особенно в ее приложении к явлениям социальным. Познавательный аппарат буржуазии изошелся на долголетней работе перемалывания сухарей и отравительной «правды» жизни, творимой буржуазии, в пыль и в ложь реальности, философии, в ложь манифактурного, либерального «гуманизма», а выше, безграмотную ложь фанатизма. Но, к сожалению, наша литература в большинстве ее дает право сказать, что она тоже отказывается от познания закономерностей в пользу внешних, поверхностных цепочек.

Тысячами голосов советский человек, строитель новой культуры, ежедневно говорит литераторам: я был пастухом, был социально-правонарушителем, был батраком булака, — стал инженером, медиком, ученым естествоиспытателем; я была батрачкой, горничной, домашним животным моего мужа, — я стала профессором философии, агрономом, партнором и т. д. Говоря это, люди сообщают как бы только о факте своего физического перемещения в социальной среде, не умея, и иногда — не желая рассказывать о химии факта. Вскрыть психо-химический процесс перемещения из ряда чернорабочих батраков в ряды мастеров культуры, вскрыть закономерность этого изменения, показать, какую роль играла в нем классовая идеология пролетариата, как сопротивлялась культура чувством мести за его по-правное человеческое достоинство, враждовать в нем ненависти к страданию, к источникам его, к творцам подлинных ужасов жизни.

170 миллионов людей отказались от позорной обязанности страдать ради удобства и удовольствия командиного класса. Они еще не успели устранить все внешние причины житейских неудобств, потому, что у них еще не было времени для этого, а также, конечно, по вине их пассивности и мешанского стремления поскорее всплыть в человеческих «радостях жизни» — поспешности этого стремления обясняется тем, что у нас мешаны физически побежден, но все еще «блуждают вместе с нами, распространяя запахи таинственных и одурманий».

Материалом художественной литературы служит человек со всем разнообразием его стремлений, действий, человек в процессе его роста или разрушения. Материал у нас есть, но

чувствие кровного, классового родства, как в разноплеменной стране Союза Советов возникает сознание единства племени, как это сознание будит и организует таланты, как оно возбуждает жажду знания, трудовой герой и готовность бороться за великое дело пролетариата (на всех точках земного шара). Основная тема всеобщей литературы показать, как отрывание к ющему перерождается в отвращение к собственности. В этой теме скрыто бесконечное разнообразие всех иных тем подлинно революционной литературы, вней заимствован материал для создания «положительного» типа человека героя, в ней заключена вся «историческая правда» эпохи, а таковой правдой является революционная целесообразность энергии пролетариата, — энергии, направленной на изменение мира в интересах свободного развития творческих сил трудового народа.

Рядом с людьми, новорожденными революцией для того, чтобы продолжать расширять, углублять уже начатое дело коренного изменения мира, все еще живут и воняют люди с психикой ненасыщенных потребителей, люди, которые, еще не успев освоить и проглотить линий имкуса, спрашивают: а еще, а завтра что будет? Они чрезвычайно быстро привыкают к успехам воздушоплавания, к чудесам радио, росту электрификации, в поисках в стрatosfere и гимнастами: «Что же — страдание?» Вот если бы на Марс? Они не прочь посмотреть на что-нибудь горе, похлопать героям задорами, но развлекаться грандиозностью событий, они чувствуют себя в том, что в продаже нет каких-то особенно любимых ими пуговиц и нет мармелада, тоже особенно обожаемого ими. И никто из драматургов наших все еще не рвал Шекспира, хотя советская литература существует уже 18-й год. И нет романтика, равного Бальзаку или Флобера, и нет поэта, равного Пушкину.

Вот предо мной рукопись статьи «Политика в искусстве», автор — человек в своем мире весьма замечательный артист театра. Он боится, что «так называемый социалистический реализм не достаточно строго относится к воспроизведению основных задач искусства». Он советует «оставить для наблюдения основной фразу, что искусство определяется структурой общества. И хотя Шекспир, когда ему должно быть напоминать, оправдывает, успокаивает Уотт Тейлоре, Стэнле Рэзине Аль-

гли и о других возмутителях покоя Балбина, автор статьи заявляет: «величайшее значение Шекспира в том, что из его произведений никак не узнаешь, кому он сочувствовал, что отрицал, и в этом его несомненное преимущество перед всеми величайшими художниками слова». Составленные умственными способностями этого автора лучше всего характеризуются его патетической фразой: «О, если бы где-либо, когда-либо господствующий класс не физически, а только идейно подчинил подвластных ему — какой бы тогда наступил блаженный век для человечества!»

А вот еще рукопись другого автора, значительно более грамотного литератора. Он ставит вопросы такого рода: «Как понимать историческую правду? В какой связи она находится с методом социалистического реализма?» Далее он говорит, что «запретное» для смртного «стаи неизвестные наслаждения», что «подлинный драматизм» — это «киноролл для искусства, его как бы естественный художественный материал», что «фигуры умоляющие» о драматизме жизни «порождают лакировку действительности». Дальше автор заявляет, что «трагедия, как высшее выражение конфликтов бытия уже утрачивается почуяла у нас и мы изо всех сил работаем на уничтожение трагедии». И у него выходит так, что у нас уничтожается основа искусства. По его словам причиной этого несчастия служит «слабость мысли, слабость философии».

Казалось бы, что из признания факта этих слабостей необходимо следовать единственно правильный вывод: Надо учить! Автор видимо и жалел сказать это, но сказал в такой форме: «Дело пролетариата и «драматизм» — это «киноролл для искусства, его как бы естественный художественный материал», что «фигуры умоляющие» о драматизме жизни «порождают лакировку действительности». Дальше автор заявляет, что «трагедия, как высшее выражение конфликтов бытия уже утрачивается почуяла у нас и мы изо всех сил работаем на уничтожение трагедии». И у него выходит так, что у нас уничтожается основа искусства. По его словам причиной этого несчастия служит «слабость мысли, слабость философии».

Казалось бы, что из признания факта этих слабостей необходимо следовать единственно правильный вывод: Надо учить! Автор видимо и жалел сказать это, но сказал в такой форме: «Дело пролетариата и «драматизм» — это «киноролл для искусства, его как бы естественный художественный материал», что «фигуры умоляющие» о драматизме жизни «порождают лакировку действительности». Дальше автор заявляет, что «трагедия, как высшее выражение конфликтов бытия уже утрачивается почуяла у нас и мы изо всех сил работаем на уничтожение трагедии». И у него выходит так, что у нас уничтожается основа искусства. По его словам причиной этого несчастия служит «слабость мысли, слабость философии».

Против этой правды — «объективная» правда прошлого. О чем бы она говорила, в каких бы словах ни выражалась, она всегда не что иное, как более или менее умело скрытое стремление личности утвердить свое «идеальное» право на usurпацию чужого труда, права на паразитизм. Эта «гуманитарная» личность, воспитанная веками внутренней религии и философии Фарисеев, иезуитов, инквизиторов, эта личность неизлечимо заражена сладострастной любовью к «страдальцам» жизни. Ее садистическая любовь — корыстна, ибо всасчески подчеркивает, отмазывает, изображая «неудобства бытия» единоличников и «душевные» их страдания, утверждая что корыстна, но не редко и озлоблена, ибо среди литераторов прошлого есть фигуры «объективистов», которые в работе своей явно руководили таким принципом: мне — плохо, так да будет же плохо и тебе, читатель! Это уже злоба прокаженных, злобы людей, которые стоят за свою болезнью здоровым людям.

Между тем «объективная истинка» даже не фотография, а нечто гораздо хуже, — хуже потому, что она двулична, — «двулична», как говорят люди, читавшие философические книжки. Она берет человека, противостоящего его миру, обществу, среце, и берет его утешительно пестреньким, одновременно совмещением в себе честное и подлое, глупое и хитрое, берет его как нечто, за власть над чем — по Достоевскому — борются «бог и дьявол». Человек обречен на страдание, как искра, чтобы устремляться вверх, а «вверх» это, обычно, какая-нибудь жалкая низость, в недрах которой страдальцу ускользает. Человек всегда чай-никуль жертва государства, «общества», «середы» — «сексуальных эмоций» извращенных до однотипной любви, — хотя весьма заметно, что и под этой «любью» у meshan спрятан расчет: жить с мужчиной, который не имеет моралем, тоже особенно обожаемого ими. И никто из драматургов наших все еще не рвал Шекспира, хотя советская литература существует уже 18-й год. И нет романтика, равного Бальзаку или Флобера, и нет поэта, равного Пушкину.

Могут указать, что людям не на чем было учиться писать о радостях жизни. Это, конечно, правильное объяснение, ибо в прошлом почти вычеркнута была из жизни радость свободного труда, восторги достижений творчества. Я говорю — почти, потому, что даже и подневольный труд на грабительской мишне все-таки увлекал и радовал, но этой радости не замечали, если она не являлась радостью богатого мужика, собирающего хлеб в житнике свою.

Мир, чернорабочий мир, который

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВРАГИ НАРОДА

Перед советским судом прошла подпольная контрреволюционная зиновьевская группа, борющаяся против партии и советской власти, не брезгая никакими методами, вплоть до методов, заимствованных из арестов нацистами.

«Наши контрреволюционные убеждения оставались одинаковыми и активными до последнего времени», — писал в своем заявлении, адресованном суду, Евдокимов.

На этот раз разоблаченный контрреволюционер, один из пособников Зиновьева и Каменева — не соглас.

Убийство одного из величайших революционеров-большевиков нашей эпохи Сергея Мироновича Кирова было совершено в Ленинграде.

Но обвиняемые в своих показаниях признали, что подготовка террористического акта против т. Кирова была тесным образом связана с преступной, контрреволюционной работой руководителей «Московского центра».

Ноуднократно и Каменев и Зиновьев уничтожили пропаганду партии поверить им...

Сколько было пролито ими приворных слез, сколько было бумаги исписано для показанных заявлений для перечисления грехов, совершенных ими и их пособниками в борьбе против диктатуры пролетариата.

Но обвиняемые на суде признали, что обман партии был их боевой тактикой, направленной для «сохранения своих кадров», для конспирации всех контрреволюционных сил против страны Советов.

Двухуничтожение и измена народу, наше гневно возвысила свой голос. Все многомиллионное население нашей пролетарской родины потребовало страждущей кары всем участникам контрреволюционной банды.

Изменники и двурушники получили заслуженную кару.

Уроки, которые мы должны извлечь из этих событий, — громадны.

Мы снова и снова должны вспоминать слова т. Сталина о большевистской бдительности.

Уроки последних событий обязывают нас быть еще более бдительными и на фронте литературной теории и практики.

Под знаменами Ленина и Сталина, преодолевая сопротивление врагов, как открытых, так и замаскированных, мы по-боевому должны продолжать свою работу в литературе с тем, чтобы она становилась все более партийной, чтобы она активно способствовала строительству социализма в нашей стране.

Люди, это — неспоримо, но также неспоримо, что он бывает израильским, убийцей вождей пролетариата, предателем родины, изумительным личицем, — и это при том, что эти люди, которые, еще не успев освоить и проглотить линии имкуса, спрашивают: а еще, а завтра что будет?

Эти люди, это — неспоримо, но также неспоримо, что он бывает израильским, убийцей вождей пролетариата, предателем родины, изумительным личицем, — и это при том, что эти люди, которые, еще не успев освоить и проглотить линии имкуса, спрашивают: а еще, а завтра что будет?

Эти люди, это — неспоримо, но также неспоримо, что он бывает израильским, убийцей вождей пролетариата, предателем родины, изумительным личицем, — и это при том, что эти люди, которые, еще не успев освоить и проглотить линии имкуса, спрашивают: а еще, а завтра что будет?

Эти люди, это — неспоримо, но также неспоримо, что он бывает израильским, убийцей вождей пролетариата, предателем родины, изумительным личицем, — и это при том, что эти люди, которые, еще не успев освоить и проглотить линии имкуса, спрашивают: а еще, а завтра что будет?

Эти люди, это — неспоримо, но также неспоримо, что он бывает израильским, убийцей вождей пролетариата, предателем родины, изумительным личицем, — и это при том, что эти люди, которые, еще не успев освоить и проглотить линии имкуса, спрашивают: а еще, а завтра что будет?

Эти люди, это — неспоримо, но также неспоримо, что он бывает израильским, убийцей вождей пролетариата, предателем родины, изумительным личицем, — и это при том, что эти люди, которые, еще не успев освоить и проглотить линии имкуса, спрашивают: а еще, а завтра что будет?

</div

Подные, грязные руки, направлявшие революцию в пролетарского вождя, тянулись и тянулись к идеологическому оружию. Разгромленные и разбитые в открытом политическом бою, жажде охвата антипартийных групп устремлялись и устремлялись на боковые тропинки, пытались отстоять в частности устремлялись они в области художественной литературы.

Особо большую и активную «действительность» в литературе за последнее время разыграл Каменев. Стоит с подиумно революционной блатильностью и зоркостью приглядаться к последним каменевским экскурсиям в «тихую», «мирную», «отдаленную» от шума сегошней политических боев область истории литературы, чтобы увидеть, что за чистоколом профессорских, задиранных академической терминологией, выкладов и рассуждений скрывается попытка снова протянуть старый троцкистско-зиньковский идеологический хлам. Такова последняя недавно вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» книга Каменева о Чернышевском. Она посвящена «анализу социально-политических, философских и эстетических взглядов Чернышевского и описание его замечательной жизни».

Каменев пишет о «праздничной мысли Чернышевского, пытаясь Каменев фальсифицировать, извергать, пригнать подлинную роль Ленина, как вождя, и ленинизма, как идеологии пролетарской революции. Каменев пишет о «праздничной» и до сих пор по своей точности, ясности, простоте, сжатости и убедительности, критике Чернышевским освобождения крестьян в 1861 году! Непрерывной до сих пор! Будто не было и нет вовсе замечательных по глубине анализа работ Ленина о крестьянской, по своему содержанию буржуазно-демократической революции смог вскрыть, — и вскры, — креоститской, грабительской в отношении крестьян существа реформы 1861 года.

Итак, Чернышевский, идеолог крестьянской революции в России отвергал реформистские пути развития тех же, впоследствии большевиков: итак, Чернышевский в качестве идеолога крестьянской революции создал антибелиаристские традиции, в отношении которых Ленин выступил лишь как выразитель; итак, теория коммунизма и партийный вождь пролетариата. Ленин являются лишь защищителями идеологии крестьянской революции; итак Ленин применил Маркса к русским условиям крестьянской отсталой страны, а в понимании зловещих моментов русского исторического процесса не поднялся и до Чернышевского!

Известна классическая формулировка Столыпина, писавшего: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика литературы пролетариата в особенности».

Товарищ Столыпин в «Б вопросах ленинизма» разоблачил попытку Зинькова ввести «в определение ленинизма отсталость России, ее крестьянский характер» как жалкую попытку превращения ленинизма «из интернационального пролетарского учения в продукт российской самобытности», жалкую попытку зиньковцев, изрывающую на руку Бауэрам и Каутским, отвившим ленинизм как интернациональное учение пролетариата в особенности.

Достаточно очевидна новая попытка Каменева извлечь историю литературы, с боковых путей «жизнеописания замечательных людей», при помощи насквозь фальшивых аналогий и параллелей, отвлеченных от позитивно-исторических эпох, «вспомогательную» ленту о русском подземной печати сказать яснее: историю движет революция, прогресс творят революции... Только через 45 лет после того, как были написаны эти строки Чернышевским, другой русский «школьник» (т. е. Ленин... И. Н.) вскрыл, развернул концепцию наполненную конкретным содержанием гениальных намеков и догадок Чернышевского. И дальше Каменев говорит, что Ленин лишь завершил ту борьбу с аполигетами и дагали Чернышевского... И дальше Каменев пишет, что Ленин лишь завершил ту борьбу с аполигетами и дагали Чернышевского.

Каменеву ленинизм, обособив программу Чернышевского от утопических черт... «Сумел воплотить в себе (подчеркнуто мной... И. Н.) жизнь». Даже обострение трущебных маск России от влияния либерально-буржуазной идеологии, которое, как пишет Каменев, «являлось необходимым предварительным условием победы Октябрьской революции, было начато Чернышевским». «Теоре-

тическая мысль Чернышевского, — пишет Каменев, — нашла свою завершение в той теории, которая сама организованной борьбе против самодержавия и капитализма.

Когда же наступила самая революция, пролетарские поэты сразу же отметили ее начало целым рядом стихотворений, откликнувшись на кровавые события 9 января. «Кровавый воскресенье», пролетарские поэты эпохи первой революции посыпали множество своих произведений. О 9 января писали под непосредственным впечатлением этого исторического дня и в первую его годовщину и партийные работники-поэты и рядовые рабочие стихотворили. И во всех произведениях этих поэтов, начиная от стихотворений А. В. Луначарского и профессиональных поэтов революции, как А. Я. Коц (предводчик «Интернационала», сотрудник зарубежных марксистских изданий и автор конфискованного парижского издания сборника стихов «Песни пролетариев») или Е. М. Тарасова, и кончая стихотворениями литератора выжившихся (Н. Рыбацкий, И. Привалов) или оставшихся незвестными рабочими поэтами, — во всех этих произведениях однозначно зучит бодрый поток уверенности в том, что кровавые события 9 января явились сигналом к началу открытой революции.

И. НОВИЧ.

ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ 1905 ГОДА

«Безумный царь бесправного народа, мы с просьбой больше не представляем к тебе: Пойдем с оружием и с криками: «Свобода».

Сотрем тебя или умрем в борьбе, — воскликнул неизвестный автор, подпишавшийся — «Рабочий» в специальной стихотворной листовке «9 января 1905 года».

А Евг. Тарасов в стихотворении — «Боязнь» в глухую январскую ночь — призывал услышать клич революции, открыто звал рабочих, «отбросив терпение прочь», ответить врагам волной стачечного движения прямой лобовой атакой:

«И клич этот громкий, как звучный упрек, До чутких сердец достигает. Смоляют машины, смоляют

стакон, И север, и запад, и юг, и восток Могучими «злесь» отвечают. То гром перекликни звуком над

стражой, То смотр всенародной дружине, Все дальше, все шире катится

волной «Мы здесь!», «Мы готовы!» — и близится бой, И стелется дым по равнине».

Тот же мотив революционного возмездия и бодрой уверенности в гордстве революции звучит и в знаменитом стихотворении письней, стихотворении поэта — союзника-демократа (партийца, работавшего в качестве профсоюзиста и организатора среди молодежи). П. К. Эдмита — «На десятой версте от столицы», напечатанном в ленинском «Новой жизни». И даже в стихотворении неизвестного рабочего — «9 января» («Мы мирно стоим перед Зимним дворцом...»), написанном В. Д. Бонч-Бруевичем и неоднократно печатавшемся в «Большевистских издачах» («Большевик», «Голос труда») и в виде отдельных листовок, даже в этом стихотворении,

так закончил свое стихотворение — «9 января» А. Я. Коц (стихотворение это, написанное непосредственно под впечатлением событий на Дворцовой площади, осталось неопубликованным и цитируется по рукописи).

ПО ЖУРНАЛАМ ЗАПАДА

1. «Коммюн». Ежемесячник французской ассоциации революционных писателей растет вместе с самой ассоциацией. Книжки журнала — волнившие книжки, такие, какими обычно известны в открытом политическом бою, жажде охвата антипартийных групп устремлялись и устремлялись на боковые тропинки, пытались отстоять свою черную «работу», — в частности устремлялись они в области художественной литературы.

Каменев пишет, что Ленин «признает марксизм, к русским условиям

кана, с страшной железнодорожной катастрофой, т. е. в чем-то стихийном. О стихийности будущей войны говорят во всяком случае совсем несвоеобразно: Гальть-Будассери, известному знатоку по вопросам вооружения, это, конечно, следовало бы знать. Мы, впрочем, не упоминали бы об этой части выступления Гальть-Будассери, тем более, что в дальнейшем он высказал целый ряд правильных и трезвых мыслей, если бы перед нами не лежал декабристский номер издаваемого им журнала «Красную».

Как и полагается, декабристский номер содержит итоговый материал за истекший 1934 год. И вот, в передовой статье мы находим «глубокие мысли», относящиеся к СССР, вроде того, что «Днепрострой для России не будет более полезен, чем патефон в руках музыканта».

Эти «мысли» высказываются примерно в то же время, как редактор журнала высказывает с трибуны зала «Мютиатлан» с приветами к борьбе против войны и фашизма, когда он выступает рядом с писателями коммунистами и революционерами.

Как называть эту своеобразную «гибкость»?

3. Но независимо от этих истинных или минимых союзников, борьба французской антифашистской интеллигенции продолжается. И французские писатели Барбос, Жид, Мальро, Маргерит отдают этой борьбе все свои силы, весь талант своего пера. И естественно поэтому что неизвестные — мы почти не видели и отражения литературы в гитлеровской Германии, Яварская тетрадь журнала, невосполненная второго профела, дает зато довольно богатый рецензионный материал о немецких книгах, вышедших за пределами Германии.

В журнале помещен отрывок из вышедшей на английском языке книги Лео Ланна «Обострившая земля». Книга эта характерна, как потребность для немецкого писателя, едва все возвращаясь к одной и той же наболевшей теме — о немецком еврействе.

Этой темы касаются писатели различных лагерей в разных формах: после «Оппенгеймов» мы находим эту же тематику у Ланна и у Гольдера, в его только что вышедшей автобиографической книге «Юность в Германии».

Писатель старается разобраться на основе собственных воспоминаний, пересказанных в первом лагере, в то же время, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в стояния: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не живописуют, регистрируют, а не дают края изнутри.

Каждый рассказ начинается с национальных и старательно выписанных фраз о производстве (что делают их скажими с чистописанием) и затем как-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всей очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть яркие страницы, когда-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всем очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть яркие страницы, когда-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всем очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть яркие страницы, когда-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всем очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть яркие страницы, когда-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всем очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть яркие страницы, когда-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всем очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть яркие страницы, когда-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всем очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть яркие страницы, когда-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всем очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть яркие страницы, когда-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всем очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть яркие страницы, когда-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всем очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть яркие страницы, когда-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всем очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть яркие страницы, когда-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всем очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть яркие страницы, когда-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всем очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть яркие страницы, когда-то по-бухгалтерски, по-реестраторски. Они пробуют изображать сеголняшних строителей края, передаваяющих свой трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они наращиваются на разнообразные производственные объекты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не дают края изнутри.

Всем очень просто, живо и неизменно рассказывается об автомобиле Москва—Кара-Кум. В ней есть я

ПАМЯТИ С. М. КИРОВА

В № 12 «Красной Нови» напечатаны стихотворения, посвященные памяти С. М. Кирова. Авторы стихотворений: Михаил Голодный, Виктор Гусев, Николай Заболоцкий, Семен Кирсанов, Борис Корнилов, Александр Прокофьев, Илья Сельвинский, Алла Суркова — свой гонорар передали Деткомиссии ВЦИК.

СЛЕТ УЧЕБЫ

Одной из форм работы центрально-кабинета рабочего-автора Профиздата с научными рабочими-авторами является проведение слетов учебы на московских предприятиях и на периферии.

Такой очередной слет учёбы проводится в г. Горьком с 17 по 23 января для рабочих-авторов завода «Красное Сормово», авторов-автомобилистов и др. Предприятиями перед слетом были проведены местные конкурсы на лучшие произведения. К участию в слете привлечены акции литературных кружков.

В программу слета учёбы входят семинары по русскому языку и стилистике, групповые и индивидуальные консультации, беседы по передаче творческого опыта писателей и лекции по классической литературе.

В подготовке и проведении слета принимают активное участие горьковское отделение союза советских инженеров и т. д. А. Караваева и А. Суркова.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ ПО ВОПРОСАМ АВТОРСКОГО ПРАВА

Союзом советских писателей СССР и Лицензионным СССР организован об единенную юридическую консультацию по вопросам авторского права.

Юридическая консультация помещается при Лиге прав ССР (Тверской б-р).

Прием производится по четвергам числом от 3 до 5 ч. веч.

Членам ССП и кандидатам Юридической Консультации оказываются помощь по всем правовым вопросам.

МОСКОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ В КРЫМУ

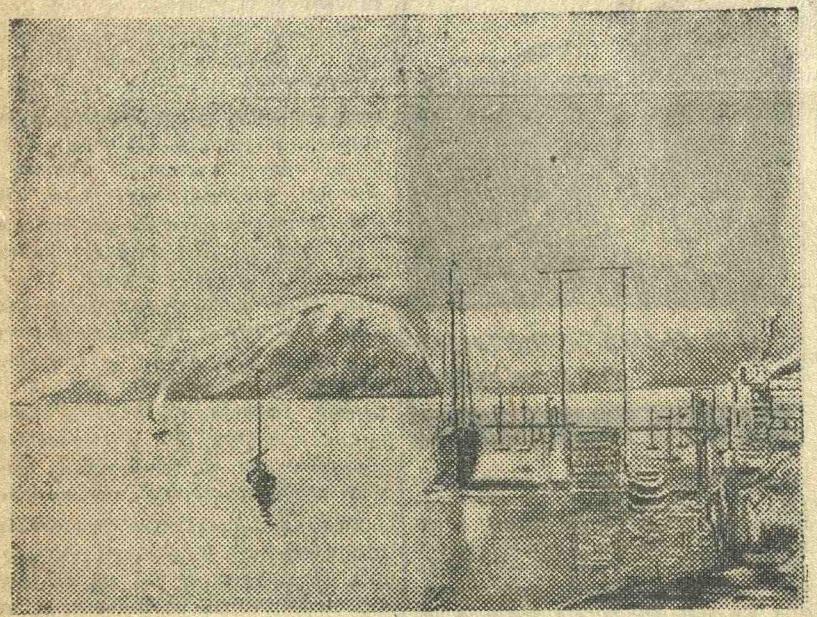
В работе 8-го Всесоюзного съезда советов, состоявшегося на днях в Симферополе, приняли участие московские писатели т. т. Гладков, Бахметьев и Санинники. Писатели были избраны в президиум съезда.

Ф. Гладков передал лучшим людям Крымской республики горячий привет от правления ССР и поздравил делегатов съезда с большими успехами в промышленном, с.-х. и культурном строительстве Крыма. (Наш корр.)

РУКОПИСНЫЙ СПИСОК «МОЦАРТА И САЛЬЕРИ»

ТИФЛИС (наш корр.). Музей писателей Грузии приобрел неизвестный до сих пор рукописный список А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» 1833 г. В приобретенном списке встречается несолько характерных разночтений от общепринятого рукописного списка.

Список изучается сотрудниками музея писателей.

А. Козупов. Лейзак.

ДЗИГА ВЕРТОВ

ПОСЛЕДНИЙ ОПЫТ

15 лет учился кинописи. Умел писать не первым, а кинопиаратором. Мешало отсутствие алфавита кино. Пытался создать эту алфавит. Специализировался на «кинописи фактов». Стремился стать кинописателем хроники. Учился этому делу за монтажным столом. И в бронепоезде под Дуганском. И в вскрытых могилах Сергея Радонежского. В поездке тов. Калинина. И на процессе казачьего полковника Миронова. И в партизанской армии т. Кошкинникова. Утился, когда делал «кинописи фактов». Когда монтировал «Бой под Царицыном». Когда собирали «Головы революции». Когда напрягал мозги над игловым фильмом в 13 частях под названием «История гражданской войны».

Такое мое новведение не было оценено. Это следует хотя бы из упоминания тов. Ленина, что «производство новых фильмов, проникнувших коммунистическими идеями и отражающими советскую действительность, надо начинать с хроники».

Делал три «Киноправды» — следующий этап учёбы. Учился делать кинопечерки. Кинопечерты. Киноистории. Кинопередачи. Проводил слагаты кинописи. Затем сменил «Жизнь в красках» или 1-я серия «Киноглагола». И следующую ступень учёбы, «Ленинскую правду». Поэма «Шахид, Советы». Радио-кинофильмы «6-я часть мира». Октябрьский марш «Олимпиадный». Фильм без слов «Человек с киноаппаратом». Шумная симфония «Энтузиазм». Эти фильмы являлись как бы «фильмами, производившими фильмом» по отношению к последнему многостороннему опыту — к «Трем песням о Ленине».

Рапортует о своем последнем опыте: «с одной стороны — это кино-документы о смерти Ленина. О последних 40 километрах. О последнем пути Ленина из Горок в Москву 23 января 1924 года.

Если, с одной стороны, — это трагичный парад, прошение масс с волей, то с другой стороны — это Ленин в движении, на пленке. Кино-документы, сохранившиеся о жизни

Ленина, наше киноискусство о Ленине.

С третьей стороны, «Три песни о Ленине» — это кинодокумент о гражданской войне.

Четвертая группа документов это Днепрострой, Магнитострой, Волгострой и другие документы социалистического строительства.

Пятая группа — это живые люди, герои, строители, бетонщики, Днепрострой, колхозчики, ударники нефти, учащиеся торчанина, колхозчицы-убечки, учащиеся военной школы в Фергане и т. д., кончая героями-челюскинцами и пролетариами разных стран, сражавшимися за революцию под знаменем Ленина.

И, наконец, одна из самых важных особенностей фильма — это документы народного творчества о Ленине, народные песни о Ленине.

В свете образов народного творчества, в свете образов творческих, туркменских и узбекских народных песен — проходит перед зрителем-слушателем весь фильм о Ленине.

Так, например, материал гражданской войны, в свете творчества народов Востока скристаллизовался у меня в моем следующим образом:

... им взрывали мосты, а они идут, им поджигают паровозы, а они идут, их рассстреливают, а они идут, без хлеба, а идут, без воды, а идут, синевоз ходят, а идут, синевоз огонь, а идут, подают, а идут, умирают, а идут —

массы, побединившие в гражданской войне — это Ильин — Ленин.

Много сотен а может быть тысячи страниц белой бумаги испытаны моей рукой в процессе съемки и монтажа фильма. И все это только для того, чтобы уничтожить написанное в момент, когда приходит такое ясное и простое, как ульба бетонщика Великого решения. Приходится писать на стихах, и рассказы, и сухие отчеты, и видовые очерки, и заумные словосочетания, чертить схемы и диаграммы, и все это проделывать ради образного и кристаллического сочетания какой-нибудь группы кадров. Мне кажется, что еще не все понимают разницу между аморфным кристаллическим состоянием документального кино-материала, между неорганическими и органическими сочетаниями кадров, друг с другом.

И вот мысли о том, что штурм беломорской крепости,

победившие в гражданской войне — это Ильин — Ленин. Этот образ николько не противоречит мысли о том, что штурм беломорской крепости —

Дзига Вертов

кинокадрами. Еще пугают первые фильмы с языка театра, с языка литературы, с фильмами-оригиналами, с авторскими киноработами. И поэтому недооценивают тех трудностей, которые стоят на этом втором изобретательском пути.

Наряду с другими темами, через весь фильм «Три песни о Ленине» проходит образ «Ленин — это веяние».

Эта тема, как и другие, идет в фильме не по каналу слов, а другими путями — по линии взаимодействия звука и изображения, по разнодействующим многою каналов, идет глубинными путями, иногда вырываясь на поверхность десятков слов.

Движение мыслей, движение идей по многим проводам, но в одном направлении, в одной цели. Мыслибегут с экрана, проникая в сознание зрителя без перевода в слова. А на написанных и сказанных слов в фильме свою контрапунктическую дорогу. Переходы между большой симфонической оркестром мыслей, где катастрофа с одной стороны — это катастрофа с другой стороны — это виолончель не прекращает концерта. Ток мыслей продолжается даже тогда, если оборвут один из огненных между собой проводов.

Всю это я и другие, соединяясь!

С тех пор у меня в руке тамбур.

Играя, я всегда говорю:

— Да здравствует Ленинская

дорога!

— Да здравствует Ленинская

дорога!

Книги & Гравюры

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

51

52

53

54

55

56

57

58

59

60

61

62

63

64

65

66

67

68

69

70

71

72

73

74

75

76

77

78

79

80

81

82

83

84

85

86

87